

УДК 007

Б. Б. Бородин

**«ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ»: ОБРАЗ РОССИИ
В РУССКОЙ ЗАРУБЕЖНОЙ КУЛЬТУРЕ**

Статья посвящена формированию в русской зарубежной культуре особой жанровой традиции – «снов о России».

Ключевые слова: Россия, русская зарубежная культура, эмиграция, изгнание, сон.

B. B. Borodin

**“LOST PARADISE”: THE IMAGE OF RUSSIA
IN RUSSIAN FOREIGN CULTURE**

The article is devoted to formation in Russian foreign culture of a special genre tradition – “Dreams about Russia”.

Keywords: Russia, Russian foreign culture, emigration, exile, dreams.

Словосочетание «русская зарубежная культура» можно было бы считать неудачным оксюмороном, если бы не драматическое, а порой и трагическое содержание, которое в нем заключено. Взгляд на Россию «из прекрасного далека» – давняя традиция отечественного искусства. Но «оптика» этого взгляда разительно менялась в зависимости от того, добровольным или вынужденным оказывалось это пребывание художника вдали от родины, и возможно ли оно было вообще.

Вполне объяснимая любознательность, жажда новых впечатлений неудержимо влечет артистические натуры к неизведанному и непознанному. Недостижимость желаемого придает ему особенную притягательность. «Граница имела для меня что-то таинственное; с детских лет путешествия были моею любимой мечтою. Долго вел я потом жизнь кочующую, скитаясь то по югу, то по северу, и никогда еще не вырывался из пределов необъятной России», – с нескрываемой горечью писал «невыездной» А. С. Пушкин [13, с. 454]. «До конца моей жизни я никогда не увижу других стран», – с трагической безнадежностью констатировал М. А. Булгаков [2, с. 456]. «Немытая Россия, страна рабов, страна господ» и в XIX, и в XX столетии далеко не всегда выпускала неугодных из своих крепких административных объятий.

Тем не менее, русские литераторы – от Н. М. Карамзина до В. В. Розанова, от Д. И. Фонвизина до И. Ильфа и Е. Петрова – смогли представить свои зарубежные впечатления отечественному читателю. А русские композиторы – М. И. Глинка, П. И. Чайковский и даже никогда не бывший за границей М. П. Мусоргский – наряду с картинами русской жизни воплощали в своих произведениях образы Испании, Италии, Германии, Франции. В многочисленных письмах, дневниках и «записках русского путешественника» образ России присутствует как некая несомненная дан-

ность, подвергающаяся порой нелюбимым оценкам. «На дальнем Западе, стране святых чудес» становились порой особенно нестерпимыми «свинцовые мерзости» отечества. Но вряд ли справедливо на этом основании упрекать в отсутствии патриотизма, скажем, Н. В. Гоголя, пославшего из «душеньки Италии» строки: «Она моя! Никто в мире ее не отнимет у меня! Я родился здесь. Россия, Петербург, снега, подлецы, департамент, кафедра, театр – все это мне снилось» [7, с. 160]. Или подозревать в подобном же грехе Л. Н. Толстого, после заграничного путешествия признавшегося в своем дневнике: «Противна Россия. Просто ее не люблю» [15, с. 180]. Днями позже, по приезду в Ясную Поляну, он уточняет: «Прелесть Ясная. Хорошо и грустно, но Россия противна, и, чувствую, как эта грубая, лживая жизнь со всех сторон обступает меня» [там же].

Но память избирательна, и человеку в большей степени свойственно предаваться светлым мечтам, нежели терзать свою душу неприятными воспоминаниями. Рассудительный Н. М. Карамзин писал: «Человек любит место своего рождения и воспитания. Сия привязанность есть общая для всех людей и народов, есть дело природы и должна быть названа *физической*. Родина мила сердцу не местными красотами, не ясным небом, не приятным климатом, а пленительными воспоминаниями, окружающими, так сказать, утро и колыбель человечества» [10, с. 92]. Мучительная «тоска припоминания», если воспользоваться образом И. Анненского, у изгнанников приобретает особую остроту при мыслях о невозвратной утрате того, что принято называть «малой родиной». Она сквозит в каждой строчке стихотворения И. А. Бунина:

*Ту звезду, что качалась в темной воде
Под кривою ракотой в заглохшем саду, –
Огонек, до рассвета мерцавший в пруде,
Я теперь в небесах никогда не найду.*

*В то селенье, где шли молодые года,
В старый дом, где я первые песни слагал,
Где я счастья и радости в юности ждал,
Я теперь не вернусь никогда, никогда.*

Возвращаясь в памяти к родным местам, остроумный и ироничный Дон-Аминадо (А. Шполянский) становится проникновенным лириком: «Есть блаженное слово – провинция, есть чудесное слово – уезд. <...> Небольшой городок, забытый на географической карте, где-то в степях Новороссии, на берегу Ингула, преисполняет сердце волнующей нежностью, сладкой болью. – Потерянный, невозвращенный рай» [8, с. 5].

Неизбывной тоской пропитаны и воспоминания о своей усадебной юности обычно не склонного к сентиментальности В. Набокова:

*Глаза прикрою – и мгновенно,
Весь легкий, звонкий весь, стою
Опять в гостиной незабвенной,
В усадьбе, у себя, в раю.*

Стихотворение заканчивается тщетной попыткой остановить мгновение:

*Стой, стой, виденье! Но бессилен
Мой детский возглас. Жизнь идет,*

*С размаху небеса ломая,
Идет... ах, если бы навек
Остаться так, не разжимая
Росистых и блаженных век!*

И, словно вторя Набокову, Ф. Шаляпин в грамзаписи 1931 года с предельной выразительностью интонирует рефрен «Персидской песни» А. Рубинштейна: «О-о-о! Если б навеки так было!» – и его голос (могучий бас) взмывает бесплотным фальцетом; в записи «Элегии» Ж. Масне певец едва сдерживает подступившее рыдание.

В XX столетии на долю русской художественной интеллигенции выпал уникальный жизненный опыт: уделом одних стал «горький хлеб изгнания», участью других – противодействие жесточайшему идеологическому прессу или нравственная деградация и физическое уничтожение. Наверное, никогда история еще не знала такого массового исхода людей, бывших сердцем и мозгом нации. Катастрофа Первой мировой войны переросла в России в катастрофу революционных событий. Многими деятелями культуры это было воспринято как завершение исторической эпохи, как гибель России. З. Гиппиус в своих «Петербургских дневниках» передает слова профессора Духовной академии, близкого к Временному правительству, А. Карташева: «Странен темп истории. Кажется – вот-вот что-то случится, предел... Ан – длится. Или душит, душит, и конца-краю не видать, – ан, хлоп, все сразу валится, и не успел даже подумать, что мол, все валится, – как оно уже свалено, кончено, лежит» [6, с. 163].

У кинематографистов есть такой термин: «уходящая натура». Его применяют, когда говорят о съемках какого-либо быстро проходящего природного явления – ледохода или летнего снега, внезапно покрывшего цветущие деревья. В послереволюционное время многих русских художников охватило чувство «уходящей природы». Любовно и бережно подмечали и запоминали они «подробности» и «частности» исчезающего на глазах жизненного уклада. В «Окаянных днях» И. Бунина читаем: «Ездили на Николаевский вокзал... С горы за Мясницкими воротами – сизая даль, груды домов, золотые маковки церквей. Ах, Москва!.. Неужели всей этой силе, избытку конец?.. Наши дети, внуки не будут в состоянии даже представить себе ту Россию, в которой мы когда-то (то есть вчера) жили, которую мы не ценили, не понимали, – всю эту мощь, сложность, богатство, счастье...» [4, с. 22]. В последний раз вглядывается в облик лю-

бимого Арбата отъезжающий на Виндавский вокзал Борис Зайцев. Незадолго до отъезда, словно предчувствуя свою судьбу, на Высших женских курсах он открывает дантовский цикл лекций – тень великого флорентийского изгнанника явилась «на Кисловках и Арбатах времен “великих исторических событий”» [9, с. 422]. Даже В. Набоков, органично вошедший в англоязычную и мировую литературу, не удержался от запоздалых самоупреков: «...и мучила мысль о том, сколько я пропустил в России, сколько бы я успел рассовать по карманам души и увезти с собой, кабы предвидел разлуку» [11, с. 597].

Впечатления, «рассованные по карманам души», стали основой новой России, ставшей могучей художественной реальностью в произведениях И. Бунина, И. Шмелева, Б. Зайцева, А. Ремизова, В. Набокова, М. Осоргина. Это Россия, не свободная от некоторой доли идеализации, Россия тысячелетней христианской культуры, здорового устоявшегося быта, строгих нравственных устоев; Россия с еще не испакощенной гигантскими «стройками века» природой, Россия крестьянская, помещичья, купеческая – «могучая и обильная». И. Бунин в «Жизни Арсеньева» с гордостью говорит: «...мы живем той совсем особой, простой, с виду скромной жизнью, которая и есть настоящая русская жизнь и лучше которой нет и не может быть, ибо ведь скромнато она только с виду, а на деле обильна, как нигде, есть законное порождение исконного духа России, а Россия богаче, сильнее, праведнее и славней всех стран в мире» [3, с. 54].

В отличие от так называемого «социалистического реализма», клявшегося в приверженности реалистическим традициям, русская зарубежная культура творила свой миф о России с подлинной реалистической силой. М. Осоргин в книге «Времена» точно подметил закономерности создания этого мифа: «Давно изжив квасной патриотизм, я не боюсь порою хвастать Россией-землей. К сожалению, ее всегда выдумывали, выдумывают и сейчас, выдумываю, вероятно, и я...

Хочу, чтобы в памяти осталось как можно больше лучшего, что в России есть: зеленого шума и речных струй, земных испарений, мирного произрастания, неоглядных далей» [12, с. 562]. В. Набоков признавался: «...состояния гармонии я достиг в ту минуту, когда то, чем я только и занимался три года, кропотливая реставрация моей, может быть, искусственной, но восхитительной России, была, наконец, закончена, то есть я уже знал, что закрепил ее в душе навсегда» [11, с. 602].

Изгнанники-творцы во все времена, перемалывая свой горький жизненный опыт в произведения искусства, открывали новые направления и жанры. Овидий на холодных берегах Понта Эвксинского на основе жанров элегии и стихотворного письма создает традицию стихов об изгнании. Данте, лишенный возможности вернуться в родную Флоренцию, в своей «Божественной комедии», проводя читателя через Ад, Чистилище и Рай, вершит высший суд, наказует злодеев, возносит праведников, и, попутно, утверждает в правах литературный итальянский язык взамен средневековой латыни. Новаторские черты баллад, мазурок и полонезов Шопена неразрывно связаны с горделиво-рыцарственными и пронзительно-лирическими видениями его любимой Польши. А. И. Герцен «в одном из лондонских захолустьях <...> отделенный от всего мира далью, туманом и своей волей» [5, с. 36], воскрешает в памяти «былое», которое превращается в «думы», – порой неутешительные, грустные, но примиряющие пониманием.

Русские художники-эмигранты послереволюционной поры открыли мировой культуре особый мир русской жизни, преобразованный творческой памятью, очищенный от всего случайного, идеализированный и в то же время реальный, обладающий всей полнотой бытия. **Сны о России** – так можно озаглавить эту жанровую традицию. «Повесть о смерти» М. Алданова, «Жизнь Арсеньева» И. Бунина, «Лето Господне» И. Шмелева формально можно отнести к по-

вестованиям о недавнем прошлом, к одной из разновидностей исторического романа. Но это не исторические романы, это именно сны о России. Традиция исторического романа связана с художественным воссозданием исторических реалий, которое служит иллюстрацией авторской концепции истории. В названных же случаях перед нами бережная и любовная попытка остановить мгновение, превратить прошлое в настоящее, сделать историческое внеисторическим, желаемое – действительным.

Сон – символ иной действительности, вытесненной из реальной жизни. Отсюда особый, напряженный, щемящий лиризм, явственная прощальная интонация снов о России. Здесь образ России часто сливается в эмоциональной памяти с мотивами юности, бывшей или несбывшейся любви. Таковы «Темные аллеи» И. Бунина, «Машенька» В. Набокова. Покинутая, но обретаемая во сне родина – это средоточие всего самого светлого и дорогого, это «потерянный рай». Разумеется, и то, что мы слышим в записях Ф. Шаляпина, это не только и не столько

«Персидская песня» А. Рубинштейна или «Элегия» Ж. Массне. Это сон. Сон о любви, о красоте, о России. Во сне люди часто летают, как на полотнах М. Шагала. Потому что это тоже сны: сны о счастье, о молодости, о родном Витебске, о России.

«Человек живет образами, сохраненными памятью» [14, с. 7], – заметил И. Ф. Стравинский, всю свою долгую жизнь бережно сохранявший традиции «русского европеизма», впитанные в юности. «Память о прошлом есть творческая преобразующая память, она делает отбор, она не воспроизводит пассивно прошлого. Красота прошлого не есть красота эмпирически бывшего, это есть красота настоящего, преобразенного прошлого, вошедшего в настоящее...» – писал Н. Бердяев [1, с. 274]. Именно благодаря творческой преобразующей памяти «выдуманная Россия» оказалась более реальной, более соответствующей самой сути России, чем вымороженная действительность, основанная на лжи. И сны, ностальгические сны о России стали подлинной явью искусства.

Литература

1. Бердяев Н. А. Самопознание (опыт философской автобиографии). – М.: Международные отношения, 1990. – С. 274.
2. Булгаков М. А. Собр. соч.: в 5 т. – М.: Художественная литература, 1992. – Т. 5. – С. 456.
3. Бунин И. А. Жизнь Арсеньева // Бунин И. А. Собр. соч.: в 5 т. – М.: Сантакс, 1994. – Т. 5. – С. 54.
4. Бунин И. А. Окаянные дни. – М.: Советский писатель, 1990. – С. 22.
5. Герцен А. И. Былое и думы. – М.: Детская литература, 1976. – С. 36.
6. Гиппиус З. Петербургские дневники 1914–1919. – Нью-Йорк; М.: СП «Саксес», 1990. – С. 163.
7. Гоголь Н. В. Собр. соч.: в 7 т. – М.: Художественная литература, 1973. – Т. 7. – С. 160.
8. Дон-Аминадо. Поезд на третьем пути. – М.: Книга, 1991. – С. 5.
9. Зайцев Б. К. Далекое. – М.: Советский писатель, 1991. – С. 422.
10. Карамзин Н. М. О любви к отечеству и народной гордости // Карамзин Н. М. Избранные статьи и письма. – М.: Современник, 1982. – С. 92.
11. Набоков В. В. Другие берега // Набоков В. В. Рассказы. Воспоминания. – М.: Современник, 1991. – С. 597, 602.
12. Осоргин М. А. Времена. – Екатеринбург: Средне-Уральское книжное изд-во, 1992. – С. 562.
13. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. – Л.: Наука, 1978. – Т. 6. – С. 454.
14. Стравинский И. Ф. Диалоги. – Л.: Музыка, 1971. – С. 7.
15. Толстой Л. Н. Собр. соч.: в 22 т. – М.: Художественная литература, 1985. – Т. 21. – С. 180.

Literatura

1. Berdjaev N. A. Samopoznanie (opyt filosofskoj avtobiografii). – M.: Mezhdunarodnye otnoshenija, 1990. – S. 274.
2. Bulgakov M. A. Sobr. soch.: v 5 t. – M.: Hudozhestvennaja literatura, 1992. – T. 5. – S. 456.
3. Bunin I. A. Zhizn' Arsen'eva // Bunin I. A. Sobr. soch.: v 5 t. – M.: Santaks, 1994 – T. 5. – S. 54.
4. Bunin I. A. Okajannye dni. – M.: Sovetskij pisatel', 1990. – S. 22.
5. Gercen A. I. Byloe i dmy. – M.: Detskaja literatura, 1976. – S. 36.
6. Gippius Z. Peterburgskie dnevniki 1914–1919. – N'ju-Jork; M.: SP «Saksess», 1990. – S. 163.
7. Gogol' N. V. Sobr. soch.: v 7 t. – M.: Hudozhestvennaja literatura, 1973. – T. 7. – S. 160.
8. Don-Aminado. Poezd na tret'em puti. – M.: Kniga, 1991. – S. 5.
9. Zajcev B. K. Daljokoe. – M.: Sovetskij pisatel', 1991. – S. 422.
10. Karamzin N. M. O ljubvi k otechestvu i narodnoj gordosti // Karamzin N. M. Izbrannye stat'i i pis'ma. – M.: Sovremennik, 1982. – S. 92.
11. Nabokov V. V. Drugie berega // Nabokov V. V. Rasskazy. Vospominanija. – M.: Sovremennik, 1991. – S. 597, 602.
12. Osorgin M. A. Vremena. – Ekaterinburg: Sredne-Ural'skoe knizhnoe izd-vo, 1992. – S. 562.
13. Pushkin A. S. Poln. sobr. soch.: v 10 t. – L.: Nauka, 1978. – T. 6. – S. 454.
14. Stravinskij I. F. Dialogi. – L.: Muzyka, 1971. – S. 7.
15. Tolstoj L. N. Sobr. soch.: v 22 t. – M.: Hudozhestvennaja literatura, 1985. – T. 21. – S. 180.